

18+

Диана Тъжикова

Резонанс
памяти
(Вена)

Диана Пыжикова
Резонанс памяти (Вена)

«Издательские решения»

Пыжикова Д.

Резонанс памяти (Вена) / Д. Пыжикова — «Издательские решения»,

В стерильной Вене шум под запретом. Архивист Эмма находит вирусный код 1892 года, превращающий её тело в живой резонатор. Чтобы вернуть городу сердцебиение, она должна пропустить сквозь себя смертельный звук. Техно-нуар о праве на ошибку. Продолжение захватывающей серии книг «Тайный оркестр: Священный изъян» — там, где тишина убивает всё живое.

Содержание

Глава 1. Вена. Главное здание университета на Рингштрассе. 21:15	6
Глава 2. Начало пути	9
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Резонанс памяти (Вена)

Диана Пыжикова

© Диана Пыжикова, 2026

ISBN 978-5-0069-8656-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Вена. Главное здание университета на Рингштрассе. 21:15

Эмма Штерн, заведующая библиотекой музыкознания, медленно, почти с наслаждением повернула ключ в тяжелом замке отдела оцифровки. Звук старого механизма — сухой, маслянистый щелчок — отозвался в её позвоночнике привычным успокоением. Работа окончена.

В коридорах университета воцарилась та особая, бархатистая тишина, которая бывает только в зданиях с двухсотлетней историей. Это не была пустота; это была тишина, пропитанная запахом пересушенной бумаги, мастики для паркета и кислым духом кофе, оставшимся от студентов, которые еще час назад штурмовали залы перед сессией. Воздух казался густым, как старое вино, и Эмме чудилось: если замереть, можно услышать шепот всех диссертаций, когда-либо написанных в этих стенах.

Эмма поправила очки, дужка которых за день натерла чувствительную кожу за ухом. Сегодняшний день выпил из неё все соки. Сначала — бесконечная инвентаризация, где половина коробок пришла с нарушенными пломбами. Затем — безобразная сцена с профессором Гринвальдом. Старик впал в настоящую истерику из-за утерянной партитуры Малера — факсимиле 1892 года, которое, по его словам, «содержало ключ к пониманию венского надлома». Он кричал, брызгая слюной на её чистый стол, что современные библиотекари — это «могильщики смыслов», а Эмма лишь молча смотрела на его дрожащие, покрытые пигментными пятнами руки. К пяти часам добавились счета за софт — суммы были такими, будто университет снаряжал экспедицию на Марс.

Она бросила взгляд на монитор. Синее свечение экрана подчеркивало глубокие тени под глазами. Эмма не была стара, но в этом свете её лицо казалось высеченным из того же серого камня, что и фасад университета.

В углу зала, у высокого окна с видом на подсвеченные шпили Вотивкирхе, замерло новое приобретение библиотеки — цифровое пианино последней модели. Оно выглядело здесь чужаком, пришельцем из стерильного будущего. Лакированный черный корпус в холодном лунном свете казался куском застывшей смолы. Инструмент был идеально настроен, вычищен до блеска, лишен малейшего изъяна — и именно за это Эмма его втайне ненавидела. В нем не было души, только безупречные алгоритмы.

Эмма уже протянула руку к рубильнику, когда динамики издали короткий, сухой щелчок.

Она замерла. Звук был пугающим. Так щелкает статическое электричество или... сустав очень старого человека, решившего наконец подняться из кресла.

В пустом зале этот мимолетный звук показался громом. По затылку пополз холодок. Эмма не была суеверной, но в этом щелчке почудилось что-то органическое, живое. Она медленно повернула голову. Лакированная поверхность пианино отразила её бледное лицо, искаженное кривизной корпуса.

Экран монитора вдруг подернулся серой рябью. Таблицы Excel, над которыми она билась весь вечер, начали плавиться, превращаясь в бессмысленное цифровое крошево. Но искажения не напоминали обычный системный сбой. Линии не распались — они выстраивались в ломаные, агрессивные зигзаги, похожие на кардиограмму умирающего или пульс земли перед первым толчком.

А затем пианино заиграло.

Это не был стерильный звук дорогого сэмпла. Из динамиков вырвался хриплый, надтреснутый аккорд, пропитанный гарью и солью. Он звучал так, будто по клавишам били тяжелые кузнечные молоты. В этом звуке не было венской элегантности — в нем клокотала ярость античных подземелий, гул камней, помнящих пытки и гимны.

Эмма почувствовала, как волоски на руках встали дыбом. Вибрация прошла сквозь подошвы, поднялась по костям и застряла в горле горьким комом. Она знала эту мелодию. Видела её сегодня утром в полусгоревшем фрагменте рукописи из «закрытого фонда». Но рукопись была немой, бумажной смертью. А машина — нет. Машина дышала.

— Кто здесь? — её голос прозвучал неестественно громко и тут же захлебнулся в гуле.

Пианино ответило вторым аккордом. На этот раз в него вплелся звук, который электроника выдать не могла — плотный, металлический рев тромбона, пробивающийся сквозь цифровой шум. Воздух в комнате стал тяжелым, почти осязаемым.

Инструмент не просто играл. Он транслировал чью-то агонию, прорываясь сквозь слои времени и кремниевые чипы. И Эмма, заведующая самой консервативной библиотекой Европы, вдруг поняла: «Священный изъян», городская легенда из зашифрованных архивов, нашел способ взломать двадцать первый век. Он просочился через оптоволокно, как сорняк сквозь бетон, требуя своего места в этом стерильном мире.

Она сделала шаг к инструменту. Её тень, отброшенная сиянием монитора, неестественно удлинилась, словно пытаясь дотянуться до клавиш раньше неё самой.

Эмма вздрогнула, но не отняла руку от сенсорной панели. Красный огонек «REC» пульсировал в такт её учатившемуся сердцебиению, выхватывая из темноты кончики пальцев. В этом слабом свете кожа казалась восковой, почти прозрачной. Инструкции по технике безопасности, которые она знала назубок, сейчас выглядели смехотворными, как детские сказки перед лицом шторма. Какой смысл в протоколах, если сама материя звука нарушала законы физики?

Светодиод мигнул глазом хищника, зафиксировав добычу. В ту же секунду пианино обрвало свой хриплый рокот и перешло на тонкое, леденящее стаккато в самом высоком регистре. Звук стал сухим и острым, как удары скальпеля по стеклу. Это больше не была музыка в человеческом понимании — это был двоичный код, принудительно пропущенный через нутро инструмента. Лакированный корпус мелко, лихорадочно вибрировал.

На мониторе графическая рябь вдруг замерла и кристаллизовалась в четкую структуру. Программа распознавания частот, послушно рисовавшая скрипичные ключи, захлебнулась. Вместо нот по экрану поползли строки латиницы, перемешанные с цифрами, не имевшими отношения к аудиоданным.

Это были адреса. Старые, вытравленные временем топонимы всплывали из цифровой бездны:

Via Dante... Via Appia... Piazza del Popolo...

Инструмент, купленный на грант министерства образования, выплевывал географию старой итальянской боли, оцифрованную чьим-то лихорадочным гением. Индикатор записи намертво застыл в «красной зоне», предвещая перегруз, но звук оставался кристально четким. Он становился осязаемым — воздух потяжелел, в нем отчетливо проступил металлический запах озона и сладковатая вонь жженой изоляции.

— Ты не просто играешь, — прошептала Эмма, придвигаясь к светящемуся табло так близко, что жар экрана коснулся её щек. — Ты... вспоминаешь. Ты вытаскиваешь это из самой подложки.

В этот момент тишина за пределами круга света раскололась. Тяжелая дубовая дверь в дальнем конце зала скрипнула — затяжной, стонущий звук ударил по натянутым нервам. Острый луч фонаря разрезал темноту, бесцеремонно полоснув по золоченым корешкам книг и заставляя тени стеллажей пуститься в пляс.

— Фрау Штерн? Вы еще здесь? — голос охранника Ганса, хриплый и обыденный, прозвучал грубой помехой в этой призрачной трансляции.

Эмма не обернулась. Она смотрела, как на мониторе сразу после римских адресов всплыло имя, набранное тем же ломаным шрифтом: LINA.

Шаги Ганса — тяжелое топанье форменных ботинок — приближались. Эмма чувствовала, как вибрация пианино передается через стол в её локти. Она знала: если Ганс увидит экран, если он прервет запись, нить оборвется. И «Священный изъян» снова уйдет в подполье еще на век.

Эмма резко обернулась, закрывая собой монитор, где всё еще пульсировало имя LINA. Красный огонек «REC» продолжал гореть, вгрызаясь в тишину и фиксируя то, что официально не существовало уже сто тридцать лет.

— Фрау Штерн? — Ганс замер в десяти шагах, луч фонаря выхватил её бледное лицо. — Заработались? Пианино... оно как будто искрит. Странный гул, как от старой подстанции.

— Всё в порядке, Ганс. Просто калибровка фильтров, — голос Эммы прозвучал ломко и бесцветно. — Я уже ухожу.

Как только тяжелые шаги охранника стихли, Эмма, не выключая терминал, бросилась к лифту. У неё был ключ от всех уровней.

Она спустилась на минус второй ярус — в «подбрюшье» университета, где свет не проникал десятилетиями, а воздух был таким тяжелым, что каждый вдох казался глотком сухого мела. Эмма знала, что ищет: папку «Рим. Акустические аномалии. 1892».

Среди заплесневелых отчетов о замене труб в коллекторах и пожелтевших смет на содержание уличных резонаторов она наткнулась на тонкий конверт. Он был запечатан сургучом с грубым оттиском лиры — клеймом, которое музыкальный отдел использовал и теперь, не подозревая о его истинном значении. Внутри лежал дагеротип, холодный и скользкий на ощупь.

Глава 2. Начало пути

На снимке, сделанном в Риме за неделю до великого взрыва, была группа женщин. Они стояли на фоне Колизея, и лица в резких тенях казались высеченными из того же травертина, что и античные арки. В самом центре, сжимая потемневший от времени тромбон так, словно это было единственное оружие в мире, стояла Лина. Её взгляд — прямой и лихорадочный — прошивал время насквозь.

Эмма почувствовала, как дрогнули пальцы. На обратной стороне снимка карандашом, почти стершимся от вековой влаги, было выведено:

«Они говорят, что мы — шум. Но мы — единственное, что звучит по-настоящему. Лина. 04:55».

Эмма приложила распечатку цифровой волны к фотографии. Сердце пропустило удар: агрессивные пики помех на бумаге до миллиметра повторяли изгиб плотно сжатых губ Лины на снимке. Машина в зале оцифровки не просто воспроизводила забытую музыку — она восстанавливала голос этой женщины из двоичного небытия, используя японское железо как мост.

— Ты не шум, Лина, — прошептала Эмма в пустоту хранилища. — Ты — частота.

В этот момент в глубине яруса раздался низкий, утробный звук. Это был не Ганс. Вибрировали сами стены, словно здание университета узнало свою старую пленницу.

Эмма чувствовала, как по комнате разливается статическое электричество. Она коснулась шеи, там, где под кожей билась сонная артерия. Пульс был неровным. Он подстраивался под рваный, синкопированный ритм Лины — под тот самый «священный изъясн», который десятилетиями вытравливали из музыкальных канонов Европы.

Она понимала: если руководство университета или ИТ-отдел с их протоколами «Хофбург» заметят аномалию, «цифровой Моретти» не станет разбираться. Они просто сотрут файл, отформатируют диск и зальют сектор оцифровки стерильным белым шумом, навсегда уничтожив эхо Лины.

Единственный способ спасти это восстание в двадцать первом веке — самой стать его частью.

Эмма медленно, почти воровским движением вытащила из разъема флешку. На этом крошечном куске пластика теперь вибрировало сердце 1892 года. Никаких служебных записок. Никаких докладов о «неисправности оборудования». Это была её личная контрабанда смыслов.

Дома, в аскетичной квартире, пропахшей старым деревом и крепким чаем, она создала на ноутбуке новую папку. Секунду поколебавшись, ввела название: «Тайный оркестр. Репетиция №1».

Эмма знала, что нарушает всё: инструкции, этику архивариуса, здравый смысл. Но стоило надеть наушники и нажать кнопку воспроизведения, как в ушах снова взревел тромбон Лины. Теперь, в домашней тишине, Эмма слышала в этом реве не только ярость. Она различала паузы — странные, ритмические пустоты. Это были места для других инструментов, пустовавшие сто тридцать лет в ожидании того, кто осмелится их заполнить.

— Хорошо, Лина, — прошептала Эмма. Её пальцы замерли над клавиатурой, как над клавишами органа. — Давай попробуем спеться.

В аудиоредакторе поползла звуковая волна — зазубренная, похожая на горный хребет. Эмма начала накладывать на старый римский гул современные берлинские биты, низкочастотное эхо пустых университетских залов и едва слышный шелест страниц. Она превращала архивную пыль в живое электричество, сшивая прошлое и настоящее грубыми, искрящими стежками.

Глядя на пульсирующую волну, Эмма почувствовала в горле забытый, почти болезненный зуд. Она не пела с тех пор, как со скандалом ушла из консерватории, решив, что мир слишком стерилен для её голоса. Её называли «технически несовершенной», говорили, что в её тембре слишком много «песка». Теперь она поняла: этот песок был из Колизея.

Эмма сделала глубокий вдох. Её голос, сначала хриплый и неуверенный, вплеся в цифровую ткань. Она не пела мелодию — она издавала низкий, утробный звук, заполняя те самые пустоты, которые оставила Лина.

В ту же секунду на мониторе произошел скачок. Звуковая волна из 1892 года вдруг выпрямилась и... обняла её голос. Линии на экране сплелись в идеальную двойную спираль.

В дверь квартиры негромко, но настойчиво постучали. Ритм стука в точности совпадал с тактом новой партитуры.

Эмма почувствовала, как по нёбу разливается металлический привкус, будто она коснулась языком медной пластины. Вибрация в груди стала настолько плотной, что границы между телом и звуковым полем начали размываться. Это больше не было исполнением музыки — это была инвазия.

Она видела, как золотистая нить её голоса обвивает ядовито-синий жгут Лины, стягивая их в тугий узел. На мониторе профиль женщины из 1892 года обретал осязаемую глубину. Пиксели больше не казались плоскими: они выстраивались в рельеф кожи, в глубокие тени под глазами, в лихорадочный блеск зрачков. Лина не просто смотрела — она использовала видеодрайвер как зеркало, пытаясь прорваться в реальность.

— Мы... здесь... — прошептала Эмма. Её шепот отразился на экране всплеском золотых искр.

В этот момент электропианино в углу издало тяжелый вздох. Клавиши начали проседать всё глубже, сами собой выстукивая «пульс заземления». Воздух наэлектризовался так, что бумага на столах приподнялась, подчиняясь законам акустической левитации.

Системное сообщение мигнуло алым: «ЗАХВАТ ЗАВЕРШЕН. СИНХРОНИЗАЦИЯ 98%».

Эмма понимала: еще пара секунд, и резонанс станет необратимым. Лина искала не просто слушателя, ей нужна была физическая оболочка. И в этой стерильной библиотеке она нашла идеальный сосуд.

Внезапно золотистая волна на мониторе оборвалась. Профиль Лины дернулся, исказившись в цифровой гримасе боли.

Дверь в зал оцифровки с грохотом распахнулась. В проеме стоял Маркус; его лицо было белым, как мел, а в руках он сжимал портативный сканер, визжащий на запредельной ноте.

— Эмма, прекрати! — закричал он. — Ты не поешь! Ты транслируешь их смерть! Ты понимаешь, что этот код убил их всех в Риме? Он выжигает нервную систему!

Он бросился к рубильнику, но Эмма преградила ему путь. Из её губ всё еще лился беззвучный, вибрирующий ультразвук. Она смотрела на экран, где две эпохи сшивались в единую карту. Старая Вена, пронизанная медными жилами Габсбургов, и новая — окутанная холодным сиянием оптоволокну. Юлиан из своего 1892 года указывал на те самые узлы, где физика камня встречалась с логикой кода. Это был чертеж взлома самой реальности.

— Я слышу тебя, Юлиан, — прошептала она, и её голос в наушниках отозвался металлическим эхом.

В этот момент аномальная тишина снаружи стала почти осязаемой. Казалось, в радиусе ста метров замерли даже кондиционеры. Город задержал дыхание, ожидая, когда она нажмет «Enter».

Но пальцы Эммы замерли над клавиатурой. Она видела, как ядовито-синяя волна Лины жадно впитывает её золотистый голос, высасывая энергию. Это не был архивный файл — это был акустический паразит, ждавший сто тридцать лет, чтобы снова обрести плоть.

— Эмма, остановись! — Маркус вцепился в косяк двери. Его лицо в этой вакуумной тишине казалось застывшей маской. — Посмотри на свои руки!

Эмма опустила взгляд. Между пальцами и клавишами протянулись тонкие, едва заметные нити статического электричества. Они вибрировали, издавая тот самый хриплый звук тромбона. Кожа приобретала серый оттенок известняка, а вены на запястьях пульсировали в такт «римской синкопе».

— Ты не приемник, Эмма! — Маркус сделал шаг вперед, преодолевая сопротивление густого воздуха. — Ты — антенна. Если ты замкнешь цепь, этот «изъясн» сожжет тебя, чтобы зазвучать на всю Вену!

На мониторе профиль Лины перестал двигаться синхронно с Эммой. Цифровая женщина медленно наклонила голову, и на экране проступила надпись, набранная кодом Юлиана: STIMME IST OPFER.

Эмма почувствовала, как гортань сжалась в спазме. Она хотела крикнуть Маркусу, чтобы он бежал, но из горла вырвался лишь низкий аккорд, от которого в зале лопнули колбы защитных ламп.

Маркус замер. Его дыхание, до этого шумное и прерывистое, внезапно синхронизировалось с ритмом, пульсирующим в наушниках. Синеватый свет планшета в его свободной руке выхватил капли пота на лбу. Он не просто слушал — он тонул.

В его череп ворвался гул раскаленного травертина и скрежет металла о камень. Это не был «мусор». Это была сверхплотная, спрессованная временем акустическая информация.

— Боже... Эмма... — голос Маркуса прозвучал глухо, словно из-под воды. — Это не патефон. Это костная проводимость. Звук записан не в воздух, он вплавлен в саму материю. Кто-то заставил известняк петь.

Он сорвал одну чашку наушника; в тишине зала собственный голос показался ему чужеродным и плоским.

— Ты понимаешь, что это за цифры? — он ткнул дрожащим пальцем в монитор, где командная строка Юлиана выплевывала координаты. — 4,55 герца. Это резонансная частота глазного яблока. Если этот «свидетель» наберет полную амплитуду, мы начнем видеть то, чего нет. Или то, что было здесь сто лет назад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.